СОДЕРЖАНИЕ

АНКЕТА:
«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ VERSUS РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

Нина Барковская, Ольга Червинская, Tomáš Glanc, Андрей Фаустов, Леонид Фуксон, Leonid Heller, Александр Кораблев, Дина Магомедова, Галина Петкова, Юрий Подковырин, Ivo Pospíšil, Ирина Романова, Николай Рымарь, Василий Щукин ... 9

ЭКФРАСИС

Татьяна Божко
Идейно-тематическое согласие изображения и слова в барочных панегириках 35

Татьяна Автухович
Личность и творчество Ван Гога в экфрастических текстах: экфрасис как индикатор смены эпох 51

Анна Середина
Роль топоэкфрасиса в утверждении почвеннических идей (на материале художественной прозы ап. Григорьева) 79

Ольга Анцыферова
Экфрасис в творчестве Генри Джеймса в преломлении теорий Романа Якобсона 96

КНИГИ, КНИГИ, КНИГИ...

Ульяна Верина. *Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX-XXI вв.* Минск: БГУ, 2017. 307 с. (***Татьяна Автухович***) .. 109

Наши авторы 112

АННА СЕРЕДИНА
(*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Россия*)

РОЛЬ ТОПОЭКФРАСИСА В УТВЕРЖДЕНИИ ПОЧВЕННИЧЕСКИХ ИДЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ АП. ГРИГОРЬЕВА)[1]

The role of topoekphrasis in approval of the concept of the soil (on the material of Ap. Grigoriev's fictional prose)

Abstract
The article investigates topoekphrasis of Moscow, which is a semantic center of Ap. Grigoriev's memoirs «My Literary and Moral Wanderings». In topoekphrasis of Moscow there is reflected the categories of life, nation and typical, leading its origin from Ap. Grigoriev's organic criticism and entering into the concept of the soil. Moscow in Grigoriev's memories is at the same time the hometown of the writer, the living creature, the periods of Russian literature, the phases of Grigoriev's moral formation and the soil that feeds Russian history and culture.

Keywords: ekphrasis, topoekphrasis, Apollon Grigoriev, prose, memoirs, pochvennichestvo

---

[1] Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17–18–01432) / This scientific investigation was carried out in the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of the Russian Science Foundation (RSF, the project № 17–18–01432).

«Да и мне ль / [...] / И восхищаться бородой, / Да вечный звон колоколов / Церквей различных сороков / Превозносить?.. Иные есть, / Кому охотно эту честь / Я уступить всегда готов», – так колко высказывается о Москве герой рассказа в стихах *«Олимпий Радин»*, написанного в 1845 году Ап. Григорьевым. Поэт и в самом деле не оставил ни одного яркого и, тем более, хвалебного поэтического произведения, посвященного Москве. Однако в качестве автора художественной прозы Ап. Григорьев впервые коснулся «поэтических сторон»[2] Замоскворечья, южного района Москвы, не обойдя вниманием многочисленных храмов на его территории. Более того, в мемуарах Григорьева *«Мои литературные и нравственные скитальчества»* описание Москвы становится смысловым центром текста, что позволяет использовать при его анализе термин «топоэкфрасис». Это понятие, введенное в научное употребление О.А. Клингом, применимо в том случае, когда место действия «несет на себе особую эстетическую нагрузку» и «является героем литературного произведения»[3].

Исследователями творчества Григорьева термин топоэкфрасис не использовался, хотя описания Москвы в художественной прозе писателя не были оставлены без внимания. Их изучению в мемуарах посвящены раздел в биографии «Аполлон Григорьев – последний русский романтик», написанной американским славистом Р. Виттакером, а также статья этого же исследователя *«„My Literary and Moral Wanderings": Apollon Grigor'ev and the Changing Cultural Topography of Moscow»*. В своих работах Виттакер приходит к выводу, что воспоминания писателя «внесли существенных штрих в определение понятия „почвенничество"»[4] и зафиксировали изменение культурной топографии Москвы (превращение города из дворянского в купеческий).

Художественной функции топоса Замоскворечья в мемуарах посвящен раздел диссертационного исследования А.Н. Ларионовой *«Поэтика автобиографической прозы А.А. Григорьева»*[5]. При этом, Б.Ф. Егоров, которому принадлежит заслуга издания тома григорьевской прозы в 1980

---

[2] Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, с. 8.

[3] Олег Клинг: *Топоэкфрасис: место действия как герой литературного произведения (возможности термина)*, в: *Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума*, ред. Леонид Геллер. Москва 2002, с. 97.

[4] Роберт Виттакер: *Последний русский романтик: Аполлон Григорьев (1822-1864 гг.)*. Санкт-Петербург 2000, с. 326.

[5] Анна Ларионова: *Поэтика автобиографической прозы А.А. Григорьева*. Дис. ... канд. фил. наук. Череповец 2017, 186 с.

году[6], и Е.Е. Гродская, автор диссертационной работы *«Автобиографический герой Аполлона Григорьева (поэзия, проза, критика, письма)»*[7], специального внимания описанию Москвы в прозе писателя не уделяют.

Как мы считаем, использование возможностей термина топоэкфрасис поможет выявить не замеченные ранее особенности описаний Москвы Григорьевым и их взаимосвязей с почвенничеством.

Мемуары Ап. Григорьева *«Мои литературные и нравственные скитальчества»* публиковались в журналах братьев Достоевских *«Время»* и *«Эпоха»*, ставших основными печатными органами почвенничества. Мемуары выходили в 1862 году в журнале *«Время»* и затем в 1864 году в журнале *«Эпоха»*. Григорьев не успел окончить своих воспоминаний, хронологически они обрываются на событиях детства, на начале 1830-х годов, хотя писатель обращается и к более поздним периодам своей жизни. С сюжетной точки зрения появление Москвы в мемуарах обусловлено автобиографическими реалиями: Ап. Григорьев родился и вырос в этом городе.

Москва в тексте воспоминаний предстает не как место действия, а как живое существо. Григорьев неоднократно называет ее «городом-растением». В основе такого отождествления лежит отсутствие регулярной планировки улиц: в Замоскворечье «улицы и переулки расходились так свободно, что явным образом они **росли**, а не делались»[8]. Дальнейшему росту улиц не мешали крепостные стены Белого города, Китай-города, Земляного города, замыкающие Москву в кольца: «От ядра всех русских старобытных городов, от кремля, или кремника, пошел сначала белый, торговый город; потом **разросся** земляной город, и пошли **раскидываться** за реку разные слободы»[9]. Улицы города переросли даже его границы: «ворот, некогда действительно составлявших крайнюю грань городского жилья, давно уж нет, и город-растение **разросся** еще шире, за пределы этих ворот»[10]. Григорьев говорит про улицы, увеличивающиеся со временем в длине, как про деревья, которым свойственно расти, разрастаться ветвями и раскидывать крону. Это подчеркивает стихийность роста Москвы, схожесть этого процесса с природным.

---

[6] Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, 439 с.

[7] Елена Гродская: *Автобиографический герой Аполлона Григорьева (поэзия, проза, критика, письма)*. Дис. ... канд. фил. наук. Москва 2006, 205 с.

[8] Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, с. 8.

[9] Ibidem, с. 8.

[10] Ibidem, с. 9.

При этом улицы будто устремляются к монастырям: «Старые монастыри – это нечто вроде драгоценных камней в венцах, стягивающих в пределы громадный город-растение»[11]. Такое движение улиц заметно как в историческом центре: «старые пласты города стягивает обруч с **запястьями**-монастырями, состоящими в городской черте»[12], так и на окраине города.

В связи с тем, что Москва для Григорьева – живой организм, различные ее части приобретают названия частей человеческого организма: три основные улицы Замоскворечья – это «жилы», монастыри – «запястья», Кремль – «ядро» (как ядро клетки). Более того, Григорьев называет растением и самого себя, говоря о том, что его отец «мало заботился о том, чтобы подрезывать ранние и неправильные побеги развивавшегося в его глазах растения»[13]. Все эти «растительные» метафоры отражают взгляды Григорьева как основателя органической критики, в центре которой лежит противопоставление органического продукта жизни головному порождению теории. К настоящему искусству, к истинно народному относится только то, что рождено жизнью, что имеет глубинные связи с прошлым. Как пишет польский исследователь почвенничества А. де Лазари, это убеждение Григорьева было усвоено и другими почвенниками: «как Достоевский, так и Страхов в понимании жизни („живой жизни") – ученики Григорьева»[14].

Москва – это также нравственные и литературные эпохи в жизни писателя. Наиболее подробно описана первая из них, в которую протекало детство Ап. Григорьева, выпавшее на 1830-е годы. Это «эпоха сереньких, тоненьких книжек „Телеграфа" и „Телескопа"»[15], журналов, которые издавались в Москве и повелевали умами молодого поколения. Эта эпоха наполняла сады Замоскворечья, района, где прошло детство Григорьева, ароматом стихов Пушкина. Это также время восхищения появившейся в 1832 году повестью А. А. Бестужева-Марлинского *«Аммалат-бек»*. Несмотря на жадное чтение журналов, упоение поэзией и общий восторженный настрой, это время было пропитано и тревогой, передавшейся от предыдущего периода («последекабрьского террора»). Тревожность и мрачность находила свое выражение в стихах А. Полежаева, ис-

[11] Ibidem, c. 19.

[12] Ibidem, c. 19.

[13] Ibidem, c. 66.

[14] Анджей де Лазари: *В кругу Федора Достоевского. Почвенничество*. Москва 2004, с. 39.

[15] Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, с. 5.

ключенного из Московского университета и сосланного на военную службу из-за поэмы *«Сашка»*, в игре легендарного актера Малого театра П. Мочалова, в романсах композитора А. Варламова. Из зарубежной литературы молодое поколение зачитывалось *«Собором парижской Богоматери»* В. Гюго, повестями А. Дюма, Э. Сю, Ж. Жанена. Переход этой эпохи в следующую обозначил выход на литературную арену в 1834 году В. Белинского со статьей *«Литературные мечтания. Элегия в прозе»*.

Все эти приметы эпохи, названные Григорьевым, значительны и для него самого, несмотря на то, что это период от 8 до 16 лет его жизни. С литературой того времени Григорьев соприкасался благодаря своему первому учителю Сергею Ивановичу. Григорьев слушал беседы, которые велись в кружке товарищей Сергея Ивановича, подслушивал, как учитель читал его родителям перед сном зарубежные романы. В кружке

> [...] говорилось с азартом, о самоучке Полевом и его «Телеграфе» с романтическими стремлениями; каждая новая строка Пушкина жадно ловилась в бесчисленных альманахах той наивной эпохи; с какой-то лихорадочностью произносилось имя «Лорд Байрон»... из уст в уста переходили дикие и порывистые стихотворения Полежаева...[16].

Вторая эпоха связана с обучением в Московском университете, преподавателями, чьи лекции захватывали Григорьева, с чтением трудов Гегеля, ради которого Григорьев в короткое время выучил немецкий язык. Это тот период, который обычно называют юностью, но настоящая юность пришла к Григорьеву по его собственному признанию, намного позже – к 30 годам. В университетский период своей жизни и, особенно, в последующий за ним петербургский, Григорьев отдался «могущественным веяниям науки и литературы» и «успел почти заглушить в себе» «всё „народное", даже местное, что окружало»[17] его воспитание.

Третья московская эпоха началась после возвращения из Петербурга и ознаменовалась возвращением к «вере в народ и народность»[18] и работой в «молодой редакции» журнала *«Москвитянин»* в 1851 – 1855 годах. По словам Григорьева, это была пора «начала второй и самой настоящей моей молодости», пора «восстановления в душе [...] веры в грунт, почву, народ», пора «надежд зеленых, как цвет обертки нашего милого „Москвитянина" 1851 года...»[19]. Это время связано с началом драматурги-

---

16 Ibidem, c. 39.
17 Ibidem, c. 7.
18 Ibidem, c. 7.
19 Ibidem, c. 43.

ческой деятельности А.Н. Островского, которая стала для Григорьева-критика долгожданным выражением «нового слова» – народности. В 1850 году в *«Москвитянине»* при посредстве А.Н. Островского публикуется повесть А.Ф. Писемского *«Тюфяк»*, получившая высокую оценку литературных кругов и Григорьева в том числе. В 1852 году появляются рассказ *«Саввушка»* и «превосходный физиологический очерк»[20] *«Кухарка»* И.Т. Кокорева, бытописателя Москвы, входившего в число сотрудников «молодой редакции» *«Москвитянина»*. Как пишет Григорьев, в эту эпоху перед ним возник

> **мир преданий**, [...] и заговорили внятно, ласково, и **старые** стены старого Кремля, и безыскусственно высокохудожественные страницы **старых** летописей; меня как что-то растительное стал опять обвевать, как в года детства, органический мир народной поэзии[21].

В данном описании в одном ряду называются древний архитектурный памятник, летописные повествования и фольклорные произведения, значит, Григорьев видит в них нечто общее. Все они имеют древнее происхождение, что подчеркивается в тексте в отношении Кремля и летописей и является очевидным в случае народного творчества. Другие характеристики («высокохудожественные», «органический мир»), описывающие только одно из трех явлений, могут быть распространены и на остальные. Высокой художественной ценностью наделены не только страницы летописей, но и кремлевские постройки, и фольклор. Органичность происхождения (то есть связь с жизнью) в свою очередь, присуща не только народной поэзии, но и архитектурному стилю Кремля и летописным рассказам. Здесь также важно, что летописи и поэтическое творчество народа связывается Григорьевым с Москвой (а, например, не с Киевом – первой столицей Руси). Это показывает, что средоточием русской истории и культуры является именно Москва.

Отметим также, что Москва связывается Григорьевым с «миром преданий». Они пронизывали первую эпоху московской жизни Григорьева, что передается писателем посредством введения в текст религиозного живописного экфрасиса: старая нянька объясняла Григорьеву **изображения на воротах** Страстного **монастыря** «апокрифически-легендар-

---

[20] Аполлон Григорьев: *Русская изящная литература в 1852 году*, в: Аполлон Григорьев: *Полное собрание сочинений и писем: В 12 т.*, ред. Василий Спиридонов. Петроград 1918, с. 174.

[21] Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, с. 43.

но», «в известном тоне апокрифического сказания о „сне богородицы”»[22]. Как признается писатель, благодаря общению с дворней «суеверия и предания окружали мое детство»[23], что действовало на нервную натуру Григорьева и усиливало склонность к мистическому. Народные предания сопровождали жизнь не только дворни, но и родителей писателя, о чем говорит их решение отдать сына в распоряжение домашнего учителя в «день Козьмы и Дамиана бессребреников, день, в который обыкновенно учить начинают, по преданиям...»[24].

Нужно подчеркнуть, что для Григорьева ценны только те предания, которые обязаны своим происхождением народной среде. От преданий народа следует отличать «предания старцев»[25], то есть поколений, воспитавшихся в эпоху классицизма и сентиментализма и не желающих отказываться от своих закостенелых убеждений и идти в ногу с течением жизни. В «преданиях старцев», ярким выражением которых стали *«Московские элегии»* М. Дмитриева, написанные в 1845–1847 годах и опубликованные в 1858 году, Москва представала «идеалом барского города»[26]. Такой взгляд на Москву, отдающий презрением к народу и купечеству, был неприемлем для Григорьева, отрицательно относящегося к проявлениям дворянского снобизма, что может быть объяснено личными причинами: писатель родился до заключения брака родителями, не сразу получил дворянство, и эти обстоятельства были для него уязвляющим фактором. Конечно же, неприятие «преданий старцев» связано и с идеологическими расхождениями. Старцы не хотели замечать, что типическим лицом Москвы уже давно являлось не дворянское сословие, а промышленное – купеческое.

Как пишет Р. Виттакер[27], мемуары Григорьева изначально задумывались для опровержения устаревшего образа Москвы как аристократического города. По словам исследователя, поводом для написания мемуаров стала просьба М.М. Достоевского ответить на *«Литературные воспоминания»* И.И. Панаева, вышедшие в 1861 году в *«Современнике»*, идеологически чуждом почвенникам. В своих мемуарах Панаев показывает «барское» лицо Москвы 1840-х годов, правда, уже не с ностальгией, как

---

[22] Ibidem, c. 22.
[23] Ibidem, c. 15.
[24] Ibidem, c. 23.
[25] Ibidem, c. 56.
[26] Ibidem, c. 56.
[27] Роберт Виттакер: *Последний русский романтик: Аполлон Григорьев (1822-1864 гг.)*. Санкт-Петербург 2000, c. 326-327.

поколения старцев, к которым он не принадлежал, а с иронией. Однако за двадцать лет облик Москвы сильно изменился и наиболее типическими представителями города являлись уже не дворяне, а купцы.

Истоки возрастания роли купцов и их влияния на культурную жизнь Москвы Григорьев видит в деятельности Н.А. Полевого, издававшего в 1825–1834 годах журнал *«Московский телеграф»*. «Купчишку Полевого»[28] не любили ни старцы, ни кружок С.Т. Аксакова, ни круг *«Московского вестника»*, состоявший из молодых ученых, как М.П. Погодин и С.П. Шевырев, и литературных аристократов, как А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. Однако на молодежь того времени этот журнал оказывал огромное влияние, о чем мы уже упоминали.

Нужно сказать, что купцы в Москве жили, по преимуществу, в Замоскворечье, родной для Григорьева части города. Таким образом, появление Замоскворечья в тексте мемуаров обусловлено как автобиографически, так и идеологически. Как пишет Р. Виттакер, Григорьев не только показал эволюционировавший облик Москвы, но и проиллюстрировал «сопутствующий сдвиг в культурной топографии города»[29], сделав центром описания не привычную Тверскую улицу, где жили аристократы, а Замоскворечье, населенное купечеством.

Купцы были для Григорьева не только представителями выдвинувшегося сословия. Купеческий быт привлекал писателя упорным сохранением традиций и преданий, передавшихся от предков. Григорьев видел в купечестве связь с почвой и включал его в понятие «народа»:

> [...] залог будущего России хранится только в классах народа, сохранившего веру, нравы, язык отцов, – в классах, не тронутых фальшью цивилизации, мы не берем таковым исключительно одно крестьянство: в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу, видим старую извечную Русь[30].

Григорьевское понимание народа по утверждению польского исследователя А. де Лазари[31], легло в основу мировоззрения почвенников.

---

[28] Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, с. 47.

[29] Robert Whittaker: *„My Literary and Moral Wanderings": Apollon Grigor'ev and the Changing Cultural Topography of Moscow*, „Slavic Review" 1983, vol. 42, № 3, p. 390.

[30] Аполлон Григорьев: *Письма*, изд. подг. Роберт Виттакер, Борис Егоров. Москва 1999, с. 106.

[31] Анджей де Лазари: *Почвенничество сегодня*, в: Анджей де Лазари: *В кругу Федора Достоевского. Почвенничество*. Москва 2004, с. 193.

Открывая для литературы мир Замоскворечья, Григорьев показывает его и с архитектурной стороны, то есть в создании топоэкфрасиса участвует и архитектурный экфрасис (описания в художественном тексте архитектурных объектов). Григорьев дважды описывает Замоскворечье, забирая читателей на прогулку по Большой Полянке и открывая их взору панораму Замоскворечья с высоты кремлевского холма. Писатель уверяет, что, не зная Замоскворечья, нельзя знать и Москвы, так как именно в этой части города сохранились «старые типы», то есть древние архитектурные постройки и явления традиционного уклада жизни, которые нигде не сохраняются так, как на периферии.

Описывая памятники архитектуры, Григорьев часто акцентирует внимание на их древности. Кремль называется им «ядром всех русских **старобытных** городов»[32], маленький каменный мост – «единственным мостом **старой** постройки, **уцелевшим** как-то до сих пор **от** усердия наших **реформаторов**-строителей»[33], «**старые** монастыри» стягивают обручем «**старые** пласты города»[34], в глубине Замоскворечья прячутся «**старые**, приземистые и узорчатые церкви с главами-луковицами»[35]. Проводя читателя по улица Замоскворечья, Григорьев не желает долго останавливаться перед церковью Успенья в Казачьем: «Она хоть и была когда-то **старая**, ибо прозвище ее намекает на стоянье казаков, но ее уже давно так **поновило** усердие богатых прихожан, что она, как старый собор в Твери, получила общий, казенный характер»[36]. Писатель воспринимает вторжения в первоначальный облик памятников архитектуры как нарушение их связи с историей и естественным течением жизни.

В архитектурном экфрасисе также часто возникает сравнение с итальянскими постройками. Маленький каменный мост напоминает «мосты итальянских городов, хоть бы, например, Пизы»[37], в начале Большой Полянки стоит «большой дом итальянской и хорошей итальянской архитектуры»[38], да и само Замоскворечье уподобляется старому римскому району Трастевере, так же расположенному за рекой по отношению к центру города и законсервировавшему в себе «старые римские типы»[39].

---

[32] Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, с. 8.
[33] Ibidem, с. 9.
[34] Ibidem, с. 19.
[35] Ibidem, с. 20.
[36] Ibidem, с. 10.
[37] Ibidem, с. 9.
[38] Ibidem, с. 9.
[39] Ibidem, с. 8.

Нужно сказать, что Ап. Григорьев, проживший около года во Флоренции (1857–1858) высоко ценил итальянское искусство. В очерке *«Великий трагик»* 1859 года, где описываются впечатления Григорьева от Флоренции, писатель говорит об одной из городских достопримечательностей: «другого Palazzo vecchio [...] вы тщетно будете искать в других городах Италии, а стало быть, и в целом мире»[40]. Из этого следует, что Григорьев отдает пальму первенства в архитектурном искусстве итальянским мастерам: чего не сумели повторить они, не сумеет повторить никто. Таким образом, сравнение с итальянской архитектурой ставит московские постройки вровень с лучшими образцами мировой архитектуры:

> Остановитесь на минуту перед низенькой, темно-красной с луковицами-главами церкови Григория Неокесарийского. Ведь, право, она не лишена оригинальной физиономии, ведь при ее созидании *что-то* явным образом бродило в голове архитектора, только это *что-то* в Италии выполнил бы он в больших размерах и мрамором, а здесь он, бедный, выполнял в маленьком виде да кирпичиком; и все-таки вышло *что-то*, тогда как ничего, ровно ничего не выходит из большей части послепетровских церковных построек.
>
> Я, впрочем, ошибся, сказавши, что в колоссальных размерах выполнил бы свое что-то архитектор в Италии. В Пизе я видел церковь Santa Maria della Spina, маленькую-премаленькую, но такую узорчатую и вместе так строго стильную, что она даже кажется грандиозною[41].

Как следует из этого описания, Григорьев скептически относится к постройкам послепетровского времени, так как они ориентируются на европейские образцы механически, не внося в замысел оригинального духа. Несмотря на принятие Григорьевым петровских реформ как «необходимого и законного этапа в русской истории»[42], писатель не все плоды петровского времени считал естественным порождением жизни. В описаниях Москвы сквозит подспудное сравнение с Петербургом, который не является «городом-растением», так как возник не сам собой, да к тому же имеет регулярную планировку. Петербург не может похвастаться древностью и оригинальностью своей архитектуры, из чего следует, что он не имеет связи с почвой и не может оказывать благотворного влияния на жизнь народа.

---

[40] Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, с. 278.
[41] Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, с. 9-10.
[42] Роберт Виттакер, Борис Егоров: *Жизнь Григорьева в письмах*, в: Аполлон Григорьев: *Письма*, изд. подг. Роберт Виттакер, Борис Егоров. Москва 1999, с. 296.

Духовное превосходство Москвы перед Петербургом подчеркивается обилием церквей и монастырей, и неспроста именно к последним стягиваются стихийно разросшиеся улицы города. В московских церквях и улицах находит свое отражение и «мир преданий»: «я [...] не упомянул о третьей, огромной юго-восточной жиле, о Пятницкой, названной так по церкви **мифически-народной** святой Пятницы-Прасковеи»[43].

Возвращаясь к архитектурному экфрасису, представляющему церковь Григория Неокесарийского, отметим, что описание рождения в голове архитектора оригинального замысла, позволяет нам считать, что архитектор воспринимался Григорьевым как творец, наравне с живописцем, композитором или поэтом. «Гениальная натура, при всей своей несомненной самости или личности, является [...] фокусом, отражающим крайние, *истинные* пределы современного ей мышления, последнюю, *истинную* степень развития общественных понятий и убеждений»[44], – писал Григорьев о таланте поэта в статье 1851 года. Из этого следует, что умение русских зодчих создать высокохудожественное творение свидетельствует о высокой развитости московской и шире – русской – культуры того времени. Таким образом, Россия еще до петровских реформ не уступала в своем развитии древним городам, которые украшали шедевры лучших архитекторов, и наглядное доказательство этому – прекрасные древние памятники русского зодчества.

Возвышая роль Москвы, Григорьев тем самым возвышает и Замоскворечье, которое до него изображалось исключительно сатирически, и даже Островский, прозванный «Колумбом Замоскворечья» за открытие для русской литературы мира московского купечества, «не коснулся его [Замоскворечья] поэтических сторон»[45].

Почему же Григорьев, восторженно относившийся к драматургии Островского и называющий его не иначе как поэтом, отказывает Замоскворечью Островского в поэтичности? Григорьев именует Островского поэтом за то, что тот стал «первым и единственным выразителем нашей

---

43 Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, с. 20.

44 Аполлон Григорьев: *Русская литература в 1851 году*, в: *„Современник" против „Москвитянина". Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов*, изд. подгот. Алексей Вдовин, Кирилл Зубков, Андрей Федотов. Санкт-Петербург 2015, с. 187.

45 Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, с. 8.

народной сущности в ее **многообразных** проявлениях»[46], которые часто были далеки от идиллии. При оценке художника для основателя органической критики ценно умение выразить задачу «художественно, с величайшею правдою и жизненностью» и «полным творческим спокойствием»[47], беспристрастностью по отношению к изображаемым типам. Островский соответствовал этим критериям, поэтому он «столь же мало обличитель, как он мало идеализатор»[48]. В мемуарах же Григорьев сетует как раз на упущение при описании Замоскворечья его идеальных, вызывающих восхищение сторон.

Отношение критика к Островскому как к истинному художнику отразилось в том, что Григорьев населяет мир Замоскворечья в своих мемуарах героями из пьес драматурга. Описывая свою мать Татьяну Андреевну, Григорьев удивляется,

> [...] откуда являлось у нее вдруг столько женственного такта в разговоре с посторонними, такое отсутствие выжимок и ужимок, ощипываний и одергиваний, отличавшее ее резко от всех других барынь нашего круга, барынь, походивших большею частью на **мать Хорькова** в «Бедной невесте»[49].

Несомненно, непохожесть Татьяны Андреевны на Арину Егоровну Хорькову из пьесы Островского *«Бедная невеста»* говорит в пользу матери Григорьева. При этом сравнение женщин ее круга с беспардонной и мстительной сплетницей Хорьковой представляет их в явно невыигрышном свете.

Нелицеприятно отзывается Григорьев и о юных жительницах Замоскворечья. Из замоскворецких барышень, читающих журналы и ожидающих, «что в последней главе „Онегина" явится опять не убитый им и только почтенный убитым Ленский и соединится с овдовевшею Ольгою, равномерно как Онегин с Татьяной»[50], по мнению Григорьева, могли по-

---

[46] Аполлон Григорьев: *По поводу спектакля 10 мая [1863]. „Бедность не порок" Островского*, в: Аполлон Григорьев, *Театральная критика*, отв. ред. Анатолий Альтшуллер. Ленинград 1985, с. 263.

[47] Аполлон Григорьев: *„Доходное место" Островского и его сценическое представление*, в: Аполлон Григорьев: *Театральная критика*, отв. ред. Анатолий Альтшуллер. Ленинград 1985, с. 293.

[48] Аполлон Григорьев: *По поводу спектакля 10 мая [1863]. „Бедность не порок" Островского*, в: Аполлон Григорьев: *Театральная критика*, отв. ред. Анатолий Альтшуллер. Ленинград 1985, с. 263.

[49] Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, с. 17.

[50] Ibidem, с. 59.

лучиться только «**Кукушкины**, с жадностию читающие и в зрелых летах, „когда препятствия исчезают и два любящиеся сердца соединяются”»[51]. В этом описании появляется двуличная и меркантильная героиня комедии *«Доходное место»* Фелисата Герасимовна Кукушкина, которая к тому же весьма поверхностно воспринимает литературу, что следует из ее слов, приведенных Григорьевым.

Еще два отрицательных персонажа пьес Островского возникают при описании семинаристов тридцатых годов. Семинаристы появляются в тексте мемуаров неслучайно, ведь из их среды вышел учитель Григорьева Сергей Иванович и его товарищи, образовавшие в доме Григорьевых кружок, благодаря которому будущий писатель имел возможность соприкасаться с литературой. По признанию Григорьева, эпоха, в которую началось его учение, вплоть до самого университета, протекала под влиянием семинаристов, а значит, они самым тесным образом связаны с Замоскворечьем и первой московской эпохой Григорьева.

По мнению писателя, семинарская обстановка, воспитывающая в юношах нигилизм и практическое отношение к жизни, породила такие типы людей, как Максютка Беневоленский из пьесы *«Бедная невеста»* и Аким Акимыч Юсов из комедии *«Доходное место»*. Оба этих героя отличаются спокойным отношением к взяточничеству, благодаря чему их финансовое положение процветает. Правда, семинаристы, окружавшие детство Григорьева, не пошли по стопам героев Островского в силу своего идеализма и неумения делать карьеру.

Самого себя Григорьев относит к людям с трансцендентальным типом мышления, отмечая, что «трансцендентализм – в своем роде „зарубки Любима Торцова”: попадешь на „эту зарубку, не скоро соскочишь”». Здесь возникает любимый персонаж Григорьева из пьесы *«Бедность не порок»*, однако герой этот далеко не положительный, да и его «зарубка» – это беспутная жизнь, с которой Любим никак не может порвать.

Появление в тексте мемуаров отрицательных персонажей Островского говорит о том, что Григорьев вовсе не ставит своей целью абсолютную идеализацию Замоскворечья и вместе с ним Москвы. Писатель отмечает все стороны жизни, а не останавливается исключительно на поэтических. Вместе с тем, герои Островского помогают Григорьеву ярче обозначить описываемые им типы. Для писателя было принципиальным, чтобы герои его воспоминаний, в том числе, он сам, являлись перед читателем как представители того или иного типа. Как пишут Р. Виттакер и Б. Егоров,

---

[51] Ibidem, c. 59.

> категория типического для Григорьева – одна из самых центральных в его социологии и эстетике. Типическое – это прежде всего самобытное, **оригинальное**, характерное не только для определенного места и времени, но и выходящее за рамки узкого региона и момента. Поэтому часто типическое отождествляется с **общенациональными** чертами. Обязательными его признаками является относительная массовость явления, укорененность его в **почву** и в традицию. Типическое Григорьев находил и в реальной жизни, и в искусстве[52].

Как мы видим, категория типического тесно связана с основными понятиями почвеннического мировоззрения. Эта категория была важна и для Ф.М. Достоевского, что обнаруживается в его заметке из *«Записной тетради 1864–1865 годов»*: «Мы почвенники, во-1-х, потому, что верим, что ничего на свете не происходит отвлеченно (вне настоящей, исторической жизни) и скачками»[53]. В соответствии с этим убеждением Григорьев при написании мемуаров производил тщательный отбор фактов своей биографии: «смотрю на себя как на одного из сынов известной эпохи, и, стало быть, только то, что характеризует эпоху вообще, должно войти в мои воспоминания; мое же личное войдет только в той степени, в какой оно характеризует эпоху»[54].

Таким образом, топоэкфрасис Москвы обязан появлением в мемуарах не столько автобиографическим причинам, сколько почвенническим убеждениям писателя. В топоэкфрасисе Москвы нашло отражение понимание категорий жизни, народа и типического, ведущее свое происхождение из органической критики Ап. Григорьева и составившее основу мировоззрения всех почвенников. Москва через описания Замоскворечья предстает древним городом со своим оригинальным лицом, не потерявшим связи с жизнью и почвой. Кроме того, Москва – это три эпохи в развитии Ап. Григорьева как личности и две эпохи (эпоха *«Московского телеграфа»* и *«Москвитянина»*), отражающие движение русского литературного процесса. Более того, писатель считал, что «поворотом к горячему благоговению перед земскою, народною жизнью», то есть формированию своего почвеннического мировоззрения он обязан тем, что его

---

[52] Роберт Виттакер, Борис Егоров: *Жизнь Григорьева в письмах*, в: Аполлон Григорьев: *Письма*, изд. подг. Роберт Виттакер, Борис Егоров. Москва 1999, с. 310.
[53] Федор Достоевский: *Записная тетрадь 1864-1865 гг.*, в: Федор Достоевский: *Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том XX. Статьи и заметки 1862-1865*, ред. Георгий Фридлендер. Ленинград 1980, с. 202.
[54] Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980, с. 10.

«воскормило, [...] возлелеяло Замоскворечье»[55]. Так, ностальгическая привязанность к Замоскворечью и шире – к Москве – обернулась мировоззренческим осмыслением места, включением его в основную категорию почвенничества.

Литература:

Роберт Виттакер: *Последний русский романтик: Аполлон Григорьев (1822-1864 гг.)*. Санкт-Петербург 2000, 556 с.

Роберт Виттакер, Борис Егоров: *Жизнь Григорьева в письмах*, в: Аполлон Григорьев: *Письма*, изд. подг. Роберт Виттакер, Борис Егоров. Москва 1999, с. 293-319.

Аполлон Григорьев: *Воспоминания*, ред. Борис Егоров. Москва 1980.

Аполлон Григорьев: *„Доходное место" Островского и его сценическое представление*, в: Аполлон Григорьев: *Театральная критика*, отв. ред. Анатолий Альтшуллер. Ленинград 1985, с. 293-302.

Аполлон Григорьев: *Письма*, изд. подг. Роберт Виттакер, Борис Егоров. Москва 1999.

Аполлон Григорьев: *По поводу спектакля 10 мая [1863]. „Бедность не порок" Островского*, в: Аполлон Григорьев: *Театральная критика*, отв. ред. Анатолий Альтшуллер. Ленинград 1985, с. 259-274.

Аполлон Григорьев: *Русская изящная литература в 1852 году*, в: Аполлон Григорьев: *Полное собрание сочинений и писем: В 12 т.*, ред. Василий Спиридонов. Петроград 1918, с. 141-225.

Аполлон Григорьев: *Русская литература в 1851 году*, в: *„Современник" против „Москвитянина". Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов*, изд. подгот. Алексей Вдовин, Кирилл Зубков, Андрей Федотов. Санкт-Петербург 2015, с. 181-209.

Елена Гродская: *Автобиографический герой Аполлона Григорьева (поэзия, проза, критика, письма)*. Дис. ... канд. фил. наук. Москва 2006.

Федор Достоевский: *Записная тетрадь 1864-1865 гг.*, в: Федор Достоевский: *Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том XX. Статьи и заметки 1862-1865*, ред. Георгий Фридлендер. Ленинград 1980, с. 188-203.

Олег Клинг: *Топоэкфрасис: место действия как герой литературного произведения (возможности термина)*, в: *Экфрасис в русской лите-*

[55] Ibidem, с. 10.

ратуре: труды Лозаннского симпозиума, ред. Леонид Геллер. Москва 2002, с. 97-110.

Анджей де Лазари: *В кругу Федора Достоевского. Почвенничество.* Москва 2004, 207 с.

Анджей де Лазари: *Почвенничество сегодня*, в: Анджей де Лазари: *В кругу Федора Достоевского. Почвенничество.* Москва 2004, с. 193-205.

Анна Ларионова: *Поэтика автобиографической прозы А.А. Григорьева.* Дис. ... канд. фил. наук. Череповец 2017.

Robert Whittaker: *„My Literary and Moral Wanderings": Apollon Grigor'ev and the Changing Cultural Topography of Moscow*, „Slavic Review" 1983, vol. 42, № 3, pp. 390-407.

References:

Fyodor Dostoyevsky: *The notepad 1864-1865*, in: Fyodor Dostoyevsky: *The Complete Works in 30 volumes. Volume XX. The articles and notes 1862-1865*, ed. prepared by Georgiy Fridlender. Leningrad 1980, pp. 188-203. In Russian

Apollon Grigoriev: *„A Profitable Position" by Ostrovsky and its stage performance*, in: Apollon Grigoriev: *Theatre criticism*, ed. prepared by Anatoliy Altshuller. Leningrad 1985, pp. 293-302. In Russian

Apollon Grigoriev: *About the theatrical performance on May 10 [1863]. „Poverty is No Vice" by Ostrovsky*, in: Apollon Grigoriev: *Theatre criticism*, ed. prepared by Anatoliy Altshuller. Leningrad 1985, pp. 259-274. In Russian

Apollon Grigoriev: *Graceful Russian literature in 1852*, in: Apollon Grigoriev: *The Complete Works and Letters: In 12 vols.*, ed. prepared by Vasiliy Spiridonov. Petrograd 1918, pp. 141-225. In Russian

Apollon Grigoriev: *Letters*, ed. prepared by Robert Whittaker, Boris Egorov. Moscow 1999, 473 p. In Russian

Apollon Grigoriev: *Memoirs*, ed. prepared by Boris Egorov. Moscow 1980, 439 p. In Russian

Apollon Grigoriev: *Russian literature in 1851*, in: *„Sovremennik" against „Moskvityanin": Literary critical polemics in the first half of the 1850s*, ed. prepared by Alexey Vdovin, Kirill Zubkov, Andrey Fedotov. Saint Petersburg 2015, pp. 181-209. In Russian

Elena Grodskaya: *Apollon Grigoriev's autobiographical hero (poetry, prose, criticism, letters)*. Ph.D. diss. Moscow 2006. 205 p. In Russian

Oleg Kling: *Topoekphrasis: the Scene as the Hero of a Literary Work (Opportunities of the Term)*, in: *Ekphrasis in Russian Literature: Collected*

Papers of Lausanne Symposium, ed. prepared by Leonid Geller. Moscow 2002, pp. 97-110. In Russian

Anna Larionova: *The poetics of A.A. Grigoriev' s autobiographical prose*. Ph.D. diss. Cherepovets 2017, 186 p. In Russian

Andrzej de Lazari: *In The Circle Of Feodor Dostoevsky. The Concept Of The Soil*. Moscow 2004, 207 p. In Russian

Andrzej de Lazari: *The Concept Of The Soil today*, in: Andrzej de Lazari: *In The Circle Of Feodor Dostoevsky. The Concept Of The Soil*. Moscow 2004, pp. 193-205. In Russian

Robert Whittaker, Boris Egorov: *Grigoriev's life in letters*, in: Apollon Grigoriev: *Letters*, ed. prepared by Robert Whittaker, Boris Egorov. Moscow 1999, pp. 293-319. In Russian

Robert Whittaker: *Russia's last romantic, Apollon Grigor'ev (1822-1864)*. Saint-Petersburg 2000, 556 p. In Russian

Robert Whittaker: *„My Literary and Moral Wanderings": Apollon Grigor'ev and the Changing Cultural Topography of Moscow*, „Slavic Review" 1983, vol. 42, № 3, pp. 390-407. In English